

ЭРИК де КЕРМЕЛЬ

ХОЗЯЙКА КНИЖНОЙ ЛАВКИ *на площади* *Трав*

ИСТОРИЯ,
которая согревает душу,
дарит надежду и побуждает
изменить свою жизнь

Эрик де Кермель Хозяйка книжной лавки на площади Трав

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42952372

Хозяйка книжной лавки на площади Трав: Центрполиграф; М.; 2019

ISBN 978-5-227-08572-6

Аннотация

Парижанка учительница Натали переезжает с семьей на юг Франции, в маленький тихий старинный городок Юзес. Там на площади Трав продается небольшой уютный книжный магазинчик со сводчатыми, как в старых зданиях, потолками. Натали внезапно решает купить эту книжную лавку – и новая профессия изменяет ее жизнь. Среди покупателей она замечает людей, попавших в трудную ситуацию, и приходит им на помощь. Семнадцатилетней девушке Хлое подсказывает, как уйти из-под опеки властной матери; юноше Бастьену помогает встретиться и помириться с тяжело больным отцом, с которым он много лет враждовал; почтальону Артуру, вчерашнему школьнику с актерским талантом, – поверить в свои способности и подготовиться к вступительным экзаменам в парижскую консерваторию; юной продавщице-арабке Лейле и ее возлюбленному, начинающему фермеру Мартену, – освоиться

с тем, что они скоро станут родителями... Каждый раз она советует своим подопечным прочитать книги, которые подскажут им, что делать, но это не работы психологов, а романы. У Натали возникает обратная связь с этими людьми: они становятся ее друзьями, а общение с ними помогает и ей в трудные минуты, когда нужно наладить отношения со взрослой дочерью и справиться с тревогой во время болезни мужа...

Содержание

Предисловие	7
Натали, или Как я изменила свою жизнь	10
Хлоя. Рывок к свободе	27
Жак. Размышления гуляющего в одиночку	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эрик де Кермель
Хозяйка книжной
лавки на площади Трав

La librairie de la place aux Herbes © 2017 Croupe Eyrolles,
Paris, France

«Хозяйка книжной лавки на площади Трав»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполи-
граф», 2019

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2019

* * *

РОМАН

ИСТОРИЯ,
которая согревает душу,
дарит надежду
и побуждает изменить
свою жизнь

Предисловие

«Была когда-то...»

Именно так начинаются истории, которые очаровывают нас.

Была когда-то книжная лавка.

Таковыми словами Эрик де Кермель уводит нас в очень милую сказку.

Жила когда-то Натали, преподавательница литературы, парижанка.

И вот ей стало невыносимо в своем Великом Городе. Она твердо решила изменить жизнь. Но не менять мужа. Оба эти желания в наше время достаточно оригинальны.

Супруги часто приезжали в маленький городок Юзес, где было 8573 жителя. Юзес – сокровище департамента Гар, город искусств, город с историей.

Почему бы не провести в нем весь остаток жизни, а не только каникулы?

Судьба отвечает им: «Посмотрим, как вы справитесь!» На углу площади Трав продается книжная лавка.

Так начинается приключение.

Что такое книжная лавка?

Она похожа на центральный банк совершенно особого рода. В этом банке не приумножают деньги: там при умножают «валюту», которая позволяет человеку сначала вообразить

себя свободным, а потом желать быть СВОБОДНЫМ.

В эту книжную лавку приходят клиенты. Скоро они становятся друзьями Натали. И затем, по ее примеру, решают измениться.

Потому что книга, настоящая книга, переворачивает вас. Она пробуждает в вас царство желаний и неодолимую армаду вопросов «почему бы и нет?».

И как мы, люди, отличаемся друг от друга, так же ни одна книга не похожа на другую. Та книга, которая перевернет душу одного, заставит зевать другого. У каждого – свой вид энтузиазма. Каждое чтение – путешествие и любовь.

Жили когда-то девять людей, которые искали что-то, но сами не знали, что именно. В этом романе говорится о том, что с ними происходит, как только они открывают свою книгу.

Что такое книжная лавка?

Нечто гораздо большее и совершенно иное, чем ряд стеллажей, на которых в тоске томятся книги.

Она – место. Место, где светло и тепло. Место, где делятся друг с другом и открывают друг другу душу. География братских чувств.

Место, которое соединяет.

Вот почему это произведение в первую очередь – дань благодарности.

Спасибо книжным лавкам, спасибо тем мужчинам и женщинам, которые поддерживают их существование – и наше

существование тоже!

Люди – разумеется, и мужчины, и женщины – изобрели книги.

Но обратное тоже верно: в какой духовной нищете, в какой тоске, в какой монотонности, повторениях одного и того же мы жили бы без книг?

Итак, в старом добром городе Юзесе была совсем новая книжная лавка...

Эрик Орсенна

*Посвящается Элизе, Люсиле и Сидонии –
сделайте так, чтобы жизнь не поглотила вашу
мечту*

Натали, или Как я изменила свою жизнь

Приступ амнезии.

Это может случиться с человеком раз или два за его жизнь.

Человек вдруг на время теряет память. Мыслительные способности при этом не страдают, но он не помнит, где находится, что делал вчера и какое сегодня число.

Это не опасно; это может продолжаться несколько часов.

Исследователи не могут объяснить причины этого явления.

Причиной приступа амнезии может быть высокое кровяное давление, стресс, иногда даже оргазм.

Мозг как бы начинает защищаться, как будто плавится предохранитель в выключателе компьютера.

Это сказал мне врач, которого срочно вызвал Натан, когда я, устремив на него дикий взгляд, несколько раз спросила его, почему он завтракает вместе со мной.

Оргазм и высокое давление были ни при чем, поэтому я посмотрела на Натана и сказала ему:

– Может быть, нам пора покинуть Париж... Я больше не могу выносить этот город. Он меня съедает.

Я не хочу быть неблагодарной по отношению к столице. В студенческие времена нам нравилось жить в ритме парижских ночей; мы болели выставками, имели абонементы в Театр де ля Вилль и ходили в подвальные клубы слушать джазовые группы, приехавшие прямиком из Соединенных Штатов. И мы – хорошо ли, плохо ли – сумели вырастить детей, Элизу и Гийома, в нашей четырехкомнатной квартире

на улице Рокетт.

Дети стали взрослыми, и с тех пор чем больше проходило времени, тем сильнее я чувствовала, что задыхаюсь, что должна надевать защитную броню, и каждый раз все более толстую, чтобы не слышать шумы, не чувствовать запахи, не ощущать на себе агрессивные взгляды, толчки в метро, грязь на улицах.

Сопrotивляться часто значит подавлять свою чувствительность, грубеть, пока броня не дает трещину.

Мы решили, что покинем Париж на следующее лето, когда Гийом получит аттестат зрелости. Нам нужно было дождаться только его: Элиза жила теперь в Арле и была студенткой высшей национальной школы фотографии.

Натан – архитектор. Возвращаясь из отпуска в Париж, он каждый раз говорил, что мог бы устроить свой кабинет где угодно. Но это намерение тонуло в толще повседневности, и я должна признать, что, если желала, чтобы оно осуществилось, мне нужно было самой принять у Натана эстафету.

Часто эти порывы возникали после нескольких дней, проведенных на полуострове Крозон, в департаменте Финистер. Моя любовь к Крозону началась, когда я встретилаcь с Натаном. Мы оказались вместе стажерами в первом настоящем плавании под парусами вокруг этого полуострова. Оказались в команде одного корабля – и стали одной командой на всю жизнь.

С тех пор мы много раз приезжали туда – в маленький ры-

бачий домик, который купили, как только смогли отложить немного денег, в те дни, когда еще не имели даже автомобиля.

Этот дом находится посреди вересковой пустоши, в двух шагах от мыса Динан. Пейзаж там – классический вид Бретани с почтовой открытки.

Но в глубине души я южанка, и некоторые приезды в Бретань на День Всех Святых или на Пасху, когда часы, в которые проглядывало солнце, можно было сосчитать по пальцам обеих рук, охлаждали наш летний энтузиазм.

В то время я преподавала литературу в выпускных классах лицея имени Монтеня.

Я любила своих учеников, и они отвечали мне взаимной любовью.

В классах гуманитарного направления лицеисты проявляли столько любопытства и увлеченности, что давали мне возможность выходить далеко за границы программы и открывать для них писателей, чьи сочинения – хороший переход к менее академической литературе.

А вот классы точных наук всегда были для меня вызовом. Здесь литература была лишь дополнительным предметом, который позволял получить несколько дополнительных баллов в аттестат. Я должна была пробить стены из эмоций, которыми отгораживались от меня эти юные математики, чтобы открыть перед ними другой мир – экзотический, иногда иррациональный и всегда очень далекий от их декартовско-

го мира.

Каждый год мне удавалось увести с собой к этим новым берегам нескольких учеников. И они понимали, что в мире гораздо больше сомнения, чем уверенности, гораздо больше поэзии, чем уравнений.

Для очень многих из них точные науки были навязанным выбором. Тому, кто хорошо успевает по математике, везло: он мог попасть в «науки». Любой другой вариант был напрасной тратой сил. Это убеждение возникло после Второй мировой войны, и теперь его считали верным как преподаватели, так и родители. Ребенком-инженером отец и мать гордились гораздо больше, чем ребенком, который шел в искусство или литературу.

Вторая мировая убила не только мужчин и женщин – она убила буквы ради цифр, уничтожила профессию преподавателя ради профессии инженера.

В один январский день мы открыли для себя Юзес.

В Юзес легко влюбиться с первого взгляда зимой, сидя за столиком на террасе перед тартинкой с козым сыром, который полит оливковым маслом.

Этот маленький город обязан красотой своей истории. В Юзесе, первом герцогстве Франции, жили принцы, сеньоры и прелаты, и каждый из них хотел иметь свой особняк, указывавший на его высокое положение. Древние двери, окна со средниками, изящно отделанные балконы, башенки над карнизами создают впечатление, что здесь все сохранилось

таким, как было в старину. Закон Мальро, который способствует восстановлению старинных зданий и архитектурных памятников Франции, позволил отреставрировать Юзес и сделать его тем, чем он является теперь – драгоценным памятником эпохи Возрождения.

Переезд в Юзес стал тем, что обычно называют «выбор жизненного пути». Какое-то время я даже думала, что этот путь выбрали оба супруга. На самом же деле мы приняли решение вместе, но скоро оказалось, что я живу там одна: Натан часто бывал в поездках.

Я открыла для себя жизнь домохозяйки, у которой нет детей и нет работы, зато есть деньги, чтобы заплатить за курс пилатеса или обновить интерьер наших комнат с помощью покупок из магазина «Иностранные дела», где продаются товары в стиле этно-бобо. В этот магазин приходят те, кто только что приехал в Юзес, чтобы обставить свои дома, точнее, превратить в дома овчарни, которые покупают на пустошах.

Мы живем в доме для шелковичных червей. Это большой каменный дом, построенный вокруг красивого двора; в нем когда-то разводили шелковичных червей для местных прядильных фабрик. Драгоценное сырье потом отправляли на шелкоткацкие фабрики Лиона, а там из него делали ткани, которые продавались по огромной цене во всех странах Европы.

Площадь Трав находится в самом сердце Юзеса. До нее можно добраться только пешком, по переплетениям очаро-

вательных улочек. Большие платаны укрывают ее тенью, которая летом становится большим благодеянием.

Площадь окружают аркады, под которыми находятся террасы ресторанов.

Каждую неделю в среду и субботу на ней бывает большая ярмарка.

По субботам ярмаркой становится весь город, потому что на кольцевом бульваре торгуют одеждой.

Летом на площадь приходят только туристы, потому что в это время невозможно гулять по ней и любоваться ее красотой: так сильно лотки и зонты над ними загораживают общий вид.

Я хожу на ярмарку по средам. В этот день недели выставляют свой товар только местные производители. А я, приехав сюда, заново открыла, как важно хорошее качество продуктов. Сезонный фрукт, который не приехал издалека, а доставлен прямо из сада, невозможно сравнить с тем, который продают в Париже. То же можно сказать об овощах, птице и сырах. Близость моря тоже большое преимущество. Раньше я знала только устриц из Бретани, а теперь стала фанаткой устриц из селения Бузиг, которых выращивают на побережье Средиземного моря.

«Продается».

Маленький листок с этим словом был прикреплен к витрине книжного магазина на углу площади Трав.

Я не могла отвести взгляд от этих синих букв на бежевой крафт-бумаге.

А почему бы не я?

Я люблю книги.

Я люблю все книги!

И маленькие, написанные одним взмахом руки, и огромные, над которыми автор работал всю жизнь; как старые, переплеты которых превратились в лохмотья, так и те, которые только что вышли в свет и хвастливо выставляют напоказ свою красивую красную полосу.

Я люблю книги, которые рассказывают великие романтические истории и заставляют плакать над ними. Но для меня также большое удовольствие идти по тропинкам интеллектуальных и научных рассуждений, читая эссе, от которых я чувствую себя умнее.

Я люблю книги об искусстве, которые вносят в дома читателей картины из Лувра и Прадо или непривычные рисунки, собранные на всех пяти материках. Сколько интересного мы бы никогда не узнали об этих чудесах, если бы не было книг!

Я люблю верхние обрезы книг. Когда книги стоят рядами на полках, мы смотрим на них, немного наклонив голову, словно уважаем книгу еще до того, как раскрыли.

Я люблю бумагу. Но разве можно говорить о бумаге в единственном числе? Я люблю бумажные листы – страницы, которые переворачиваются и от которых читатель иногда отрывает взгляд. Если бумага хорошо выбрана, ты словно по-

глощаешь ее вместе со словами и глотаешь страницу за страницей, как лакомство. Если она не соответствует тексту, этот разлад может оттолкнуть читателя от книги.

Слишком белая бумага не подходит для историй о любви, потому что любовь никогда не бывает абсолютно белой. Любовь со временем немного желтеет, на ней остаются следы от толчков и ласк, как на простынях после объятий в постели.

Тисненая бумага придает словам глубину. Слова вдавливаются в нее и удобно располагаются в толще волокон, словно кот на подушках дивана.

Я люблю и слова на страницах. Я говорю не о смысле слов, а о ритмичном движении серого цвета. Всегда одинаковые промежутки между словами позволяют им вежливо следовать друг за другом на достойном расстоянии, и каждое слово может не наступать на пятки соседу и дышать по-своему. Если бы мы были как слова на странице, то, я уверена, дружелюбие нашло бы себе больше места, чтобы раскрываться.

Однажды мне попалась книга без пробелов: о них позабыли. Я сразу же почувствовала приступ агорафобии – страха перед людными местами: так сильно было мое сочувствие к этим словам, стиснутым, как сардины в банке, сдавленным, как пассажиры парижского метро в час пик.

У меня есть очень много друзей, которые мечтают иметь библиотеку, как другие люди мечтают о комнате для гостей. Это защитные мечты, которые иногда принимают форму бегства. Укрыться за книгами или за большими стенами...

Я думаю, что книги открывают более широкие горизонты, чем большие стены.

В тот же вечер, даже не дав Натану поставить на место рюкзак, я, волнуясь, как девочка-подросток, объявила ему:

– Книжная лавка на площади Трав продается!

– Ну и что?

– А то, что я хочу быть ее новой хозяйкой.

– Вот так идея! А как же твои курсы, твоя карьера?

– Ты же хорошо знаешь, что у преподавателя нет карьеры. Ему только начисляется стаж за отработанные годы. И потом, я даже не знаю, куда меня назначат, – может быть, на другой конец Гара!

– Но это отнимет у тебя уйму времени. Ты представляешь себе, что такое книжный магазин? Это в первую очередь коммерческое предприятие, даже целый малый бизнес! Ты уж точно будешь зарабатывать меньше, чем если станешь преподавать!

– Мне плевать на это! А что касается времени... У меня столько времени, которое я провожу одна. Мне нужно заняться настоящим проектом, или у меня может начаться неврастения.

– Если у тебя такие доводы, я не стану долго сопротивляться.

Натан – добрый человек. Иногда он немного эгоцентричен, но этим страдают многие архитекторы. Они живут с

ощущением, что необходимы для правильного функционирования мира. Самые худшие из них те, кто оценивает свои результаты в тоннах – по весу залитого в их конструкции бетона!

Когда я подписывала нотариально заверенный документ, делавший меня владелицей книжной лавки, я, кажется, была так же счастлива, как при рождении моих детей.

Разница была в том, что, становясь продавщицей книг, я чувствовала, что рождаю сама себя, а не даю жизнь другому.

Я многим обязана чтению. Это прочитанные книги делали так, что я росла и выбирала свою дорогу, это они научили меня смотреть на мир не только через мои собственные очки, но и с точки зрения тех, кто сделал меня открытой навстречу другим мирам и эпохам.

Я никогда не бываю так близко к себе самой, как при чтении чужих слов. Все эти другие люди, входя в мой личный мир, соблюдали при этом правила стыдливости и не давали никаких оценок моим ощущениям. Они не знают меня, но именно трение их фраз о меня позволило мне понять, кто я такая. Вместе с ними я плакала столько же, сколько смеялась.

Это у меня, должно быть, от отца. Я не помню его без книги, и он всегда читал их несколько сразу. У него были книги утренние и вечерние, книги для кресла на веранде и книги для чтения в постели.

Книги не ревнивы. Они уступают место новой избранни-

це и умеют неподвижно и терпеливо ждать много столетий, пока их не реабилитирует рука ребенка, протянутая к полке.

Я была этим ребенком перед книжными шкафами моих родителей.

Моими первыми ночными товарищами были карманные книжки с пожелтевшими страницами – Кессель, Жионо, Мериме, Мальро, Сент-Экзюпери. Я сидела допоздна с каждым из этих великих людей, пока не засыпала в его объятиях.

Я помню, как в первый раз вставила свой ключ в замок книжной лавки.

Юзес молчал, что часто случается утром в понедельник. С трудом поднимавшееся осеннее солнце начинало освещать верхушки платанов.

Я с удивлением заметила, что оборачиваясь назад, проверяя, не смотрит ли на меня кто-нибудь. Я еще не вполне почувствовала себя законной владелицей, и мне казалось, что я открываю не свою дверь.

Но площадь Трав была пуста.

Я была одна. Наедине с моей радостью.

Я повернула ключ.

Меня сразу встретил запах бумаги. Он станет для меня настолько повседневным, что однажды Натан скажет мне, что я пропахла бумагой.

Прежние владельцы книжной лавки, прожившие в этом городе тридцать лет, отошли от дел. Книги были выбраны ими, а полки, на которых книги стояли, блестели от времени.

Я ласково прикасалась к обреза́м книг, как к клавишам пианино. Я читала заглавия, и названия книг складывались в мою личную музыку. Она была больше похожа на «Симфонию Нового Света» Дворжака, чем на прелюдию Баха. Настоящая беспорядочная цветомузыка, которую исполняли все инструменты оркестра и все цвета из самой большой коробки пастели.

Площадь лавки чуть меньше ста пятидесяти квадратных метров, но она делится на несколько помещений, и это позволяет создать несколько разных миров – молодежный угол, угол красивых книг, угол эссе.

Большая витрина смотрит на площадь, и еще две, поменьше, – на красивую соседнюю улицу.

Я села на деревянный табурет у старого стола, на котором стояла касса...

И долго оценивала взглядом это пространство.

От стеллажей исходила энергия, мощная и мирная одновременно. Словно за каждой книгой прятался ее автор, и все они смотрели на меня, а я была голая.

У меня закружилась голова: я осознала, какую ответственность взяла на себя, повернув ключ в замке книжной лавки.

До этого первого дня я не приняла ни одного решения по поводу работы, которой должна была заняться. Я пыталась, но не могла выбрать один из двух радикальных вариантов – приспособиться к прежней форме, слиться с этим миром, который я должна была открыть для себя, или, наоборот, все

изменить, чтобы не жить среди следов, оставленных прежними владельцами, как будто те отправились в путешествие и однажды вернутся.

Кто-то постучал в витрину. Я повесила табличку со словом «Закрыто», но у молодой женщины, которая возникла передо мной, был в руках поднос с чайником и двумя чашками. Она приветствовала меня широкой улыбкой, и я открыла ей.

– Добрый день, меня зовут Элен. Добро пожаловать! У меня маленький магазинчик одежды на соседней улице. Я так счастлива, что книжная лавка не станет пиццерией! Я принесла вам чай, но не хочу долго задерживать.

– Спасибо, Элен. Меня зовут Натали. Я должна вам сказать, что еще не понимаю по-настоящему, что со мной происходит, но я тоже счастлива. Очень счастлива!

– Если хотите, я помогу вам все покрасить заново, когда вы начнете работу.

– Это очень любезно. Я как раз спрашивала себя... когда я ее начну!

На самом деле очевидное для Элен было очевидно и для меня: книжная лавка должна быть похожа на меня, чтобы я могла принимать в ней посетителей как у себя дома.

За два месяца, пользуясь помощью Натана (иногда), Элен (часто) и Гийома, который целую неделю устанавливал стеллажи, я придала книжной лавке новый вид.

Совсем не нужно было все переделывать, чтобы она была похожа на любой белый и безвкусный книжный магазин ИКЕА; надо было сохранить характер лавки, выкрасив ее в благородные, строгие тона, среди которых книги останутся князьями этого места.

Мы удалили старую штукатурку с каменных стен, протерли сводчатые потолки, сделали заметными красивые стрельчатые арки и нанесли на стены бесцветный фиксаж, чтобы с них не сыпалась пыль.

Я долго не могла выбрать материал для стеллажей, хотела то дуб, то светлую массивную сосну и в итоге остановилась на сосне.

И получился именно тот эффект, которого я добивалась: у сосны древесина почти белая, веселая, и, окружая книги, она словно освещает их.

Еще я хотела подобрать мягкое, но достаточно яркое освещение. Я выбрала красивые и очень оригинальные лампочки без абажуров и повесила их на плетеные оранжевые шнуры, похожие на электропровода в старых домах.

Единственное, что я сохранила от прошлого, – это табурет и старый стол с кассой. Я немного суеверна и почувствовала, что не должна расставаться с табуретом.

Что касается книг, то я решила выставить на полки все, что было в лавке, и постепенно добавлять тех авторов, которых мне не хватало, но не разрушать основной фонд, прошедший проверку временем.

Правду говоря, полки с тех пор сильно изменились, и я констатирую, что покупатели охотно следуют вкусам владельца книжной лавки, когда открывают для себя незнанные берега. Обязательно нужно выставлять классиков, премированные книги, сочинения авторов того региона, где торгуешь; но в остальном хозяин книжной лавки может сам влиять на выбор, окрашивать так или иначе свои советы и, таким образом, чуть-чуть высокомерно вести себя с читателями.

Ставка на красоту и ум до сих пор позволяет выиграть!

Но я не знала, что, став хозяйкой книжной лавки, буду иметь столько же читателей, сколько книг.

После того как я нашла себя в новой роли, книги открыли для меня мужчин и женщин, подростков и стариков, несчастных, благонаправленных, жизнерадостных, бесприютных эрудитов, соблазнительных в депрессии, поэтов, которые хромают, но как будто излучают свет; влюбленных холодных женщин, не трогающихся с места путешественников, кающихся гурманов, монахов, ищущих смысл...

Следя за их чтением, я разделяла с ними их жизнь. Иногда я опережала их на этом пути благодаря книгам, которые им советовала.

На уже напечатанных страницах записана еще одна история – слова одних оказались вписаны поверх слов других.

Это история, которую я решила написать.

Хлоя. Рывок к свободе

Через несколько месяцев у меня стали появляться постоянные клиенты.

Некоторые приходили, точно зная, что хотят купить; другим было любопытно увидеть новинки. Я с изумлением обнаружила, что те, кто много читает, даже не думают взять книгу из мультимедийной библиотеки, а могут купить одну, а то и две или три книги за неделю.

Однако десять книг сразу они не покупают, потому что желают превратить еженедельное посещение книжной лавки в почти неизменный ритуал. Иногда они извиняются за то, что пропустили неделю, и это меня забавляет. Иногда случается, что это они ставят меня в известность о скором появлении какой-то книги, и делают это с наслаждением лакомки, если восторженно и безоговорочно любят ее автора и книга – его новая вещь, о которой он только что объявил.

Некоторые клиенты используют лишь часть магазина – всегда осматривают один и тот же стеллаж. Разумеется, есть любители детективов, но есть и те, кто интересуется одними эссе или только разделом «Психология». Эти «специалисты» становятся знатоками; я люблю разговаривать с ними, потому что сама я – универсал, а они часто помогают мне обнаружить жемчужины, о которых я не знала.

Когда я в первый раз увидела Хлою, ее сопровождала мать.

Они не были похожи, и тем не менее то, что это мать и дочь, бросалось в глаза. Хлоя – красивая девушка, высокая, черноволосая, смугловатая, с ясными глазами, но с постоянно ускользающим взглядом.

Ее мать – склонная к полноте блондинка со светлой и нездоровой кожей, говорит она сухо и решительно, практически не оставляя в разговоре места для посторонних тем.

Меня поразила их манера одеваться. Ее трудно назвать стилем – настолько она классическая, печальная и несовременная. Строгая куртка, всегда темно-синего цвета, под ней – красная или серая плиссированная юбка и к ним – всегда черные туфли-мокасины.

Ни малейшего риска, что чей-то взгляд проникнет под декольте: обе они носили на шее платки с набивным рисунком; я предполагаю, что на платках был логотип какой-нибудь крупной парижской компании.

В Юзесе подобные наряды такая редкость, что обращают на себя внимание! В Нейи или в Бордо они, конечно, не так заметны.

Хлоя шла за своей матерью между стеллажами. Три книги, которые они выбрали, все были взяты с полки, где стоят самые классические произведения французской литературы.

Они были сложены рядом с кассой. Ламартин, Гюго и Стендаль. Я решила, что это книги из списка, который задали прочитать в лицее.

Хлоя взяла их, поблагодарила свою мать, потом обе вежливо попрощались со мной и вышли из лавки.

Примерно через десять дней эта сцена повторилась; на сей раз были выбраны Лафонтен, Рабле и Дюма.

Пока Хлоя благодарила свою мать, я пожелала знать, чем

обусловлен этот выбор.

– Эти книги вам посоветовали в лицее?

– Нет, но они идеально подходят для моей дочери. Она очень любит читать.

– А... Прекрасно! И это вы выбираете для нее книги? Может быть, я могла бы посоветовать мадемуазель книги, которые написаны не так давно, но при этом подходят для ее возраста?

Мать пронзила меня взглядом, а Хлоя впервые посмотрела на меня и застенчиво улыбнулась.

– Но я ничего не просила у вас, мадам! Мне кажется, что я, как мать, лучше всех знаю, что именно хорошо для моей дочери!

– Я вовсе не хотела вас обидеть. Это было только предложение.

Когда я пересказала эту сцену Натану, он рассмеялся: не представлял себе, что такое возможно до сих пор.

Для некоторых школ и некоторых семей литература закончилась в конце XIX века.

Стендаль, Бальзак, Гюго и их современники заняли такое место, что их чтение считается обязательной интеллектуальной пошлиной, которую должен заплатить каждый, кто учится быть читателем.

То же происходит при посвящении в искусство, как будто человеку обязательно надо оценить по достоинству фламандскую живопись, романтиков и импрессионистов, чтобы,

наконец, полюбить современную живопись.

Только в музыке не были проложены эти навязанные дорожки, потому что она благодаря радиоприемникам вырвалась из концертных залов. Я услышала Кэта Стивенса, «Генезис» и Джоан Баэз задолго до того, как открыла для себя Шуберта и Моцарта.

Для молодежи гораздо естественнее любить современных ей артистов, чем начинать с литературной археологии, чтобы пробудить в себе чувства.

Мое предложение, несомненно, немного радикально, но я убеждена, что образование в области искусства, основанное на педагогике желаний, – лучшее средство, чтобы развить истинно свободное критическое мышление, независимое от эпох и мод.

Из-за этих навязанных в школьные годы дорожек многие взрослые потом долго сопротивляются желанию открыть классическую книгу ради удовольствия. И к большому сожалению, первыми жертвами этого сопротивления являются Бальзак, Стендаль и Гюго!

Так было и с Натаном. Лишь три года назад он согласился преодолеть предубеждение относительно классической литературы и прочел «Девяносто третий год» – последний роман, написанный Виктором Гюго, книгу о Великой Французской революции, где соединилось историческое повествование и художественный вымысел.

После этого Натан с головой нырнул в семитомник «В по-

исках утраченного времени» – общим счетом две тысячи четыреста страниц; многие считают эту книгу Аннапурной¹ литературы!

Целое лето с Прустом... Целое лето, когда я видела, как Натан смаковал меланхолические мысли автора, питался беседами со Сваном² и соглашался, по мере течения бесконечных фраз автора, делать паузы, чтобы дать словам влиться в себя.

Термин «роман-поток» иногда используют как отрицательную оценку. Но поток здесь означает реку, а большая река прежде всего – сумма ручейков, ручьев и речек, которые несут в себе десятки миллиардов органических и минеральных частиц и в конце концов вливаются в море.

«В поисках утраченного времени» обладает такими богатством, размером и глубиной, что воды приносят в его поток все самые личные человеческие мысли. Можно остановиться на одном слове этой книги, на одной ее фразе, как на острове посреди большой реки.

Время для чтения – не только время на то, чтобы переверачивать страницу за страницей. Это время для слов. Время для того, чтобы остановиться и жевать слова, как дикие травы, которые ты срываешь на прогулке и подносишь ко рту. Нужно согласиться отложить их в сторону, как отставляют

¹ Аннапурна – одна из высочайших горных вершин, самая трудная в мире для восхождения. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Сван – персонаж романа Марселя Пруста «По направлению к Свану».

тесто для блинов, давая ему взойти, а потом взять их снова.

Именно в возрасте Хлои я приобрела привычку иметь записную книжку и собирать в нее пенки с книг, то есть цитаты. Это немного похоже на гербарий, куда ботаник, идя по тропинкам, собирает то, что считает самым красивым, или то, чего еще никогда не встречал.

Читая, я всегда держу под рукой записную книжку, в которой живут вместе мои заметки и мысли, которые приходят мне на ум при чтении какого-нибудь слова, при знакомстве с персонажем или просто когда я заканчиваю читать книгу.

Несомненно, эти книжки – самое личное, что у меня есть. Однажды, когда Натан, не прячась, открыл одну из них, которую я оставила на столе, я закричала как, словно он совершил преступление.

С тех пор у меня, наверное, было около двадцати записных книжек. Каждая из них отличалась от другой, каждая была выбрана заботливо. Я помню первую цитату из первой книги: «Трава должна расти, а дети умирать». Виктор Гюго.

Эта фраза до сих пор звучит в моем уме – поэтичная и резкая, сближающая самый идиллический из образов – зеленый луг и самую жестокую драму, которая может произойти, – потерю ребенка.

Я расставила этот архив моего прошлого на маленькой полке. Этикетки на корешках указывают дату, когда я записала первые слова на страницах книги. Они больше, чем пенка, снятая с того, что я прочитала, они отражение странствий

моей души. Как другие пересматривают фотографии в альбомах, так я иногда открываю эти книжки и поднимаю на поверхность моменты, лица, чувства, которые иногда освещают настоящее, чтобы дать ему перспективу. Они напоминают мне о том, через что я уже смогла пройти – к лучшему или к худшему...

Увидев, как Натан читает «В поисках утраченного времени», я вспомнила, что Пруст, опираясь на Гюго, написал: «Я говорю, что жестокий закон искусства велит живым существам умирать, и нам самим умереть, исчерпав все страдания, чтобы росла трава – не трава забвения, а трава вечной жизни, густая трава плодородных произведений, на которую придут весело завтракать поколения, не заботясь о тех, кто спит внизу».

Я люблю эту литературу, у которой лестница предшественников короткая. И люблю мысли, оставляющие следы, в которых рождаются новые отклики.

Все современные авторы читали Пруста и Виктора Гюго. Классические авторы стали основой нашей коллективной культуры, как речные осадки формируют дно. Но лестница продолжала удлиняться. Незачем заставлять Хлою, Элизу или Гийома взбираться по всей этой лестнице, чтобы они наконец добрались до текстов, доставляющих им более ошутимое удовольствие и родившихся под пером современных авторов.

Через несколько недель после появления у меня матери и

дочери Хлоя открыла дверь книжной лавки.

Девушка была одна.

Я смотрела, как она бродит по магазину.

Она гуляла по лавке так, словно не искала ничего особенного: брала одну книгу, клала ее на место и брала другую, переходила от полки с детективами к полке философии и, наконец, задержалась перед стендом с книгами по региональной кулинарии.

– Вы ищете подарок?

– Нет, спасибо, я смотрю.

Такой ответ скорее можно услышать в магазине одежды, чем в книжной лавке.

– Если я могу вам помочь, говорите, не стесняйтесь!

Она еще долго рассматривала стеллажи, а потом попрощалась со мной и ушла из магазина.

Я снова увидела ее в конце следующего дня.

– Добрый вечер, мадам.

– Добрый вечер, мадемуазель.

– На самом деле я немного растерялась, увидев все эти книги. Когда вы сказали моей матери, что могли бы дать мне совет, я поняла, что, кроме ее выбора, может быть другой.

Мы в первый раз встретились с Хлоей взглядами. Она улыбалась мне так, словно извинялась, что не может одна найти свой путь.

– Знаете, мадемуазель...

– Меня зовут Хлоя.

– Хлоя, вы должны знать, что продавщица книг как раз обязана быть руководительницей своих клиентов. Не хотите ли вы мне сказать, какого рода книгу ищете?

– Совершенно не знаю какую. Не могли бы вы выбрать одну из книг для меня?

В этот момент я почувствовала, что беру на себя большую ответственность. Я знала, что до сих пор читала Хлою, и помнила убийственную фразу ее матери. Должна ли я оставаться на этой линии или сопровождать Хлою, которая решила освободиться от материнского влияния? Я не хотела обмануть доверие девушки и стала искать в памяти книгу, которая могла бы стать знаковой для меня в юности. Книгу для девушки и без выхода за границы приличий: я совершенно не желала напрасно шокировать Хлою.

– Прочтите вот это, – сказала я, протягивая ей «Из Африки». – Это автобиография Карен Бликсен. Очень красивая история, которая произошла в Кении в середине двадцатого века, когда эта страна еще была британской колонией.

– Спасибо.

– Вы обещаете сказать мне, что подумали о ней, если она вам не понравится? И никогда не забываете, что чтение книги – не обязанность и что расстаться с ней, прочитав пятьдесят скучных страниц, – не кощунство, а необходимость!

– Обещаю.

Хлоя взяла книгу и ушла, прижимая ее к груди, как драгоценность, которую хочется защитить.

Меня тронул этот жест.

Хлоя вернулась на следующей неделе. Как только девушка вошла в лавку, я заметила, что она радуется и волнуется. Я быстро поняла, что не ошиблась.

– Она великолепная, эта книга! Какая выдающаяся женщина эта баронесса! Как мне было печально, когда погиб в авиакатастрофе Финч Хаттон! Как вы думаете, сегодняшняя Кения еще похожа на ту, о которой там рассказано?

– Не думаю, что похожа. До сих пор существуют большие парки, где живут львы и слоны, но Найроби стал сильно загрязненной столицей, и квартал, где находилась ферма Карен Бликсен, теперь полностью застроен современными зданиями. Ты хотела бы найти Финча Хаттона, чтобы он дал тебе послушать Баха у костра?

Хлоя покраснела.

– Это, наверное, и правда было бы чудесно. Я хотела бы другую книгу. Похожую!

– Похожую? Что это значит? Книгу, где действие происходит за границей? Не в наше время? Где рассказана история любви?

– Я не знаю. Выберите сами снова.

Я медлила. Главное – не спешить. Двигаться медленно, чтобы юная читательница шла вперед собственным шагом. Я снова подумала о своей дочери Элизе. О книгах, которые она любила больше остальных.

– Я предлагаю тебе «Библию ядовитого леса» Барбары

Кингсолвер. В этом романе действие тоже происходит в Африке, но это единственное, что у него общего с книгой Карен Бликсен. Ты узнаешь о судьбе семьи, где отец – радикальный пастор, который в начале девятисотых годов решает уехать из Соединенных Штатов вместе с женой и четырьмя дочерьми в бывшее Бельгийское Конго.

– Спасибо, спасибо.

Глаза Хлои блеснули. Я была счастлива – как каждый раз, когда советую кому-то книгу, мысленно говоря себе, что хотела бы снова пережить чувства, которые испытала, читая ее впервые.

В следующую субботу Натан пришел посидеть в лавке, пока я покупала рыбу у Клемана, уличного торговца, о котором говорили, что он каждое утро ходит к судам, прибывающим из города Сет, и выбирает лучших рыб.

Сделав несколько шагов между прилавками, я столкнулась нос к носу с Хлоей и ее матерью.

– Здравствуйте, мадам; здравствуй, Хлоя.

Хлоя повела себя странно. Кажется, она смутилась, увидев меня. Она отступила за спину матери и прижала палец к губам, слово просила меня молчать.

Я поняла, что мать ничего не знает о походах дочери в книжный магазин, а может быть, не знает и о книгах, которые Хлоя теперь читает. Я исполнила просьбу Хлои – прекратила разговор словами:

– До скорой встречи! Я должна поспешить к Клеману, ес-

ли хочу купить действительно хорошего налима.

Я выросла в городе Рабат, в Марокко, на берегах реки Бу-Регрег, которая впадает в море ниже старинной цитадели Рабата – касбы Удая.

В детстве я обожала смотреть на то, как рыбаки возвращаются с моря, высыпают свой улов в большие корзины из ивовых прутьев и заботливо чинят поврежденные сети.

Иногда мы съедали на завтрак по тарелке жареных сардин на больших столах, накрытых яркими клеенками.

Когда я выбирала себе рыбу у Клемана, ее запах будил во мне ощущения, которые испытывала девочка, бравшая с тарелок руками сардины с лимоном.

Это странно – вспоминать запахи. Наши фильмы и фотографии могут зафиксировать все, кроме запахов. Однако обонятельная память – очень сильная; мне достаточно даже через десятки лет на мгновение встретиться с запахом прошлого – и во мне оживает воспоминание о чердаке дома в Шомоне-на-Луаре, о коридоре, где пахло воском из-за того, что моя бабушка добросовестно натирала шкаф средством для полировки, или о жасмине с его цветами-звездочками, укрывавшем всю веранду, где мой дедушка нарезал ветки на черенки.

Я смиренно присоединяюсь к прекрасному обращению Бодлера в «Цветах зла»: «Читатель, вдыхал ли ты когда-нибудь, опьяняясь и медленно смакуя, зерно ладана, наполняющее церковь...»

Запаху так мало нужно, чтобы целиком заполнить собой какое-нибудь пространство.

Я заметила, что иногда книга и запах составляют очень красивую пару. Ассоциации между ними уносят вас на такие высоты, где слова и запахи рождают вдохновенное повествование, и оно уводит читателя намного дальше, чем он ушел бы по пути из одних слов.

Нет места лучше, чем крыша арабского дома в старой части Феса, чтобы читать сказки «Тысяча и одна ночь», или терраса нью-йоркского кафе, чтобы жить в унисон с персонажами Пола Остера.

Я бы охотно написала путеводитель, основанный лишь на ассоциациях между писателями и городами – Пессоа и Лиссабон, Сервантес и Мадрид, Мураками и Токио, Стендаль и Рим, Уильям Бойд и Лондон. Для этого мне было бы нужно съездить в каждый город, найти подходящую книгу для чтения в нем и лучшее место для этого чтения!

Вот хороший проект, который можно предложить Натану, когда он выйдет на пенсию. Он будет носить багаж, заказывать номера в отелях и выбирать рестораны, а я стану читать утром и писать вечером или наоборот...

Мое детство в Марокко – часть моих сокровищ. Мои чувства пробудились и расцвели в этой стране, где запах пряностей, цвета керамики, блеск медных блюд на солнце убеждали маленькую девочку, которой я была, что она живет в стране принцесс.

Несомненно, от этого времени у меня сохранилась любовь к теплым и ярким тонам – оттенкам охры и кармина, шафранным и розовым тонам засушенных цветов, которые были собраны в долине реки Дадес. «Солнца, которые человек несет в себе, как тележку с апельсинами», – сказал бы Арагон.

Я осознаю, что, несомненно, люблю жить в Провансе из-за того, что жара, свет и южные блюда питают мои детские воспоминания.

В частности, местный рынок переносит меня к прилавкам рынка Сале, куда мать всегда водила меня с собой. Именно она научила меня выбирать баклажаны, кабачки, помидоры...

Знать себя не значит быть способным размотать в рассказе, как клубок, свой жизненный путь, не забыв ни одной мелочи. Меня часто поражает, что человек, которого я встречаю впервые, сообщая, кто он, называет свою профессию и число детей. Сказать, чем ты владеешь или что ты сделал, не значит сказать, кто ты есть.

Но поневоле приходится признать, что не всем дано упражнять свои пять чувств.

Как-то раз одна моя подруга подарила мне сеанс массажа на дому у массажистки по имени Жоэль. Это было настоящее откровение. Я лежала голая на ее высоком столе, и она сумела снять с меня броню тем, что в начале сеанса дала мне понюхать несколько эфирных масел. О каждом я должна бы-

ла сказать, нравится оно мне слабо, сильно или совсем не нравится.

Вдруг я сказала: «Вот это я обожаю! Из чего оно?» Оказалось, это было масло из цветов апельсинового дерева.

Я быстро поняла, что этот запах переносил меня на улицы Рабата, в то время года, когда апельсиновые деревья наполняли их ароматом своих цветов. Это был запах детства.

Жоэль нанесла несколько капель этого масла на мои виски и этим мгновенно открыла пути всех моих чувств. С того дня сеансы массажа в моей жизни стали регулярными. Это минуты, когда рассудок отступает перед чувствами.

Я люблю авторов, которые пишут так, что их рассказы пахнут, авторов, чьи слова могут еле касаться моей кожи или тяжело ложиться на нее.

Например, когда я читала книгу Соржа Шаландона «Четвертая стена», мне казалось, что я находилась среди развалин Бейрута. Я покинула эти страницы раненая, словно побывала в центре ливанской войны.

Хорошее упражнение – определять главный цвет книги, ее запах, ее звук...

Это можно проделывать с каждым моментом своей жизни. Я учу этому Натана, чтобы он не был постоянно чем-нибудь занят. Сначала это было трудно, но как-то недавно он меня удивил. Во время заката (солнце заходило рано: это было в разгар зимы) он сумел расположиться внутри текущего момента и почувствовать запах огня, гаснущего в ка-

мине, лиловый цвет неба, которое загорается перед наступлением ночи, шуршание сухих листьев, которые кружатся в углу двора.

Когда Хлоя снова пришла в книжный магазин, на ней вместо складчатой юбки были джинсы, вместо мокасин – ботинки, а волосы были распущены, и концы их падали на яркую тунику. Это была очень красивая девушка, которая скоро начнет волновать мужские сердца.

Я решила не упоминать о встрече на рынке, но она все-таки хотела высказаться и сделала это:

– Если моя мать узнает, что я читаю не то, что она мне покупает, я лишусь права приходить к вам.

– Но тогда как же ты читаешь свои книги?

– Во время перемен и по ночам, когда родители спят. Иногда по утрам мне немного трудно вставать. Дочитав книгу, я оставляю ее у моей подруги Клер.

– «По ночам разум спит, и существуют просто вещи. Те из них, которые действительно важны, снова приобретают свою форму, выживают после разрушительных дневных анализов, человек связывает обрывки и снова становится спокойным существом». Это цитата из Сент-Экзюпери. Скажи мне вот что, Хлоя. Читать эти книги – не грех. Возможно, ты могла бы просто сказать матери, что в своем возрасте уже можешь сама выбирать, что тебе читать.

– Еще нет. Не сейчас. Она очень красивая, ваша цитата. Я действительно люблю ночь. Бывает, мне кажется, что я од-

на не сплю из всех жителей Юзеса. Тогда я могу отдать себя только словам, следовать за ними и отправляться в путь вместе с персонажами так, что никто этого не замечает. Это что-то похожее на бегство... Я хотела бы еще одну книгу!

– Какое нетерпение! Но перед тем, как я дам тебе совет, поговори со мной немного о книге, которую ты дочитала.

– Я обожала Лию, одну из дочерей пастора! Она просто невероятная! Я очень хотела бы быть ею. Она такая светлая, как солнце, принимает каждую минуту как подарок. Она открывает свою жизнь всем возможностям. А ведь ее отец довольно трудный человек. Религия может быть орудием, которое помогает расти и жить, но когда она – только фанатизм, это ужасно. Я считаю, что эта книга очень умно написана, потому что, мне кажется, в каждой из девочек есть все девочки мира. Но я хотела бы быть Лией!

– Отличная литературная критика! Я могу предложить тебе новую книгу, но у тебя самой нет ли чего-то на примете? Какой-то книги, о выходе которой объявил ее автор, а ты об этом слышала?

– Нет, мои друзья читают мало, кроме Клер, которая иногда рассказывает мне о том, что читает. Но я уже по обложкам и по аннотациям, которые напечатаны на них сзади, вижу, что это сентиментальные истории.

– Но есть же не только Клер. Есть телевидение, радио, Интернет!

– У нас нет ни телевизора, ни интернета. А единственный

канал, который мы слушаем по радио, передает только классическую музыку.

Этого я не ожидала. И должно быть, удивление отразилось у меня на лице.

– Я знаю, это удивляет, но не думайте, что я несчастна. У меня есть родители, которые меня любят и делают для меня все, что считают самым лучшим. Это благодаря им я открыла для себя пианино, рисование, верховую езду. Среди моих подруг мало тех, у кого столько занятий.

Я высоко оценила реакцию Хлои. Она права: кто я такая, чтобы судить ее родителей.

– Я все-таки хочу историю любви!

– А, вот более точная просьба!

– Для вас какая из них самая красивая?

– Вот это вопрос! Мое счастье, что я не могу на него ответить. Историй любви так много, и они бывают такие разные. Одни начинаются хорошо, а кончаются плохо; другие движутся в противоположном направлении. Есть истории неосуществимой любви, истории любви без будущего и многие другие. Есть шедевры, которые стали великой классикой, но остаются жемчужинами среди любовных историй, – например, «Ромео и Джульетта». Это театральная пьеса, которая может показаться устаревшей, но то, что написал Шекспир, не стареет.

Есть еще «Принцесса Клевская» – великолепная книга о том, как любовь, которую условности общества сделали

невозможной, проходит через всю жизнь женщины; героиня не может забыть герцога де Немура и из-за этого умирает от тоски.

И еще есть «Элоиза и Абеляр» – пьеса, в которой рассказано, как молодая женщина открывает для себя любовь, влюбляясь в великого соблазнителя.

– Я хочу эту книгу – «Элоизу и Абеляра».

Перед тем как оплатить покупку, Хлоя подошла к одному из стеллажей и взяла с него книгу, которую явно заметила во время прежних визитов сюда.

«Энциклопедия для девочек».

Я и теперь очень хорошо продаю эту книжку. Она – просто золотая жила для девочек, у которых возникает много вопросов, но они не знают, как и кому их задать.

Я ничего не сказала о ней Хлое, которая в итоге ушла с двумя книгами.

Через несколько дней, в момент, когда я обслуживала клиента, в лавку ворвалась мать моей юной читательницы.

– Вы предали меня!

– Здравствуйтесь, мадам. Если вы позволите, я закончу обслуживать этого господина, а потом вернусь к вам.

– Хорошо, я подожду!

Не знаю, что думал при этом молодой человек, для которого я упаковывала в подарочный пакет очень красивую книгу о постройках, сложенных из камней без раствора. Я

объяснила ему, что мое предательство – не государственное преступление и что дама, которая пришла в магазин, немного лишена чувства меры.

Как только молодой человек ушел, мамаша снова начала:
– Как вы могли! «Элоиза и Абельяр»!

– Мадам, у меня не магазин вин! Ничто не запрещает мне продать книгу несовершеннолетней покупательнице, особенно если та ее выбрала!

– Но Хлоя не могла выбрать такую книгу без вашего совета!

– Да, советовать покупателям – это моя профессия. Хлоя умная девушка с чуткой душой. Чего вы боитесь? Я сама мать двоих детей; уверяю вас, что книги – прекрасная возможность почувствовать собственные желания, сталкиваясь с чужими жизнями – реальными (если это автобиография) или вымышленными. Это важно для человека, когда он молод и должен делать выбор, который повлияет на его взрослую жизнь. Для меня большая честь – доверие, которое мне оказывает Хлоя. Уверяю вас, что я ответственная женщина и желаю ей только добра.

Мать Хлои ушла, хлопнув дверью.

Я задала себе вопрос, увижу ли я еще Хлою.

Я подумала о своей старшей дочери Элизе.

Когда она была подростком и систематически отвергала все мои предложения, я имела счастье делить с ней мою библиотеку.

Элиза, воспитанная на молодежных книгах издательства «Баярд», начиная с серии «Я люблю читать» и кончая серией «Я – читатель», очень рано почувствовала вкус к книгам.

Я была счастлива, что у нас с ней есть эта общая черта. Книги были свидетелями, которых я передавала ей с уверенностью, что каждая из них будет садом, где Элиза сможет срывать цветы для того, чтобы питать свое воображение, но так же и для того, чтобы вдохновлять себя на собственную жизнь.

Иногда по вечерам она, проглотив обед, сразу же бралась за книгу, отложенную несколько минут назад. И тогда я замечала в ее глазах блеск, порожденный литературным путешествием. Достаточно было просто взглянуть на обложку ее книги – и я присоединялась к удовольствию Элизы. Перевернутые страницы я могла размечать, как знаками препинания, замечаниями соучастницы, и каждое замечание создавало диалог.

Сегодня мне так не хватает этой чудесной близости.

Я чувствую, что знаменитый «подростковый кризис», который считают неизбежным, чертовски силен. Вернемся ли однажды мы с Элизой к тем чудесным отношениям, которые были у нас раньше?

Я очень скоро перестала беспокоиться из-за возвращения Хлои: она вернулась уже на следующий день после визита ее матери.

– Извините маму. Когда она рассказала мне, что ходила к

вам, мне стало стыдно. Я сказала ей, что мне уже не десять лет и что, если она снова так поступит, то перестану заниматься пианино, верховой ездой и не буду ходить с ней на концерты. Отец в конце концов встал на мою сторону. Обычно он мало говорит, а тут заявил, что мне пора стать немного более самостоятельной и что это касается в том числе моих культурных предпочтений.

Я была счастлива, что все так случилось.

Потом в течение нескольких недель Хлоя регулярно приходила ко мне, и я продолжала вести ее по пути посвящения от одной книги к другой, словно по японской дорожке из следов, где она могла идти, не рискуя упасть.

Каждый раз, когда она заканчивала читать книгу, происходил разговор, в ходе которого я видела, как рождались ее убеждения, ее тревоги, но одновременно – и то, что делало ее счастливой.

В Юзесе у каждого времени года свое очарование. Зимой этот город не спит. Зима – время тех, кто живет здесь весь год. Время посвященных.

Зимняя гордость Юзеса – праздник трюфелей. Всю субботу и все воскресенье площадь заполнена маленькими лотками, где продается это черное золото.

Трюфели не выставлены в ящиках, как порей или морковь. Они словно по волшебству появляются в ладонях продавца, который потом взвешивает их на крошечных весах,

чтобы определить цену.

Так вот, сто граммов трюфелей, если поторговаться, могут стоить примерно сто тридцать евро, как белужья икра!

Я способна на многое ради белуги, но не ради трюфеля. Но я ни разу не осмелилась никому сказать об этом, потому что здесь это было бы кощунством и меня изгнали бы из города, обваляв в смоле и перьях!

Поскольку это был первый год нашей жизни здесь, Натан заказал для нас два места на торжественном обеде, который был организован союзом производителей трюфеля.

Все блюда готовили звездные повара, и все было приготовлено на основе трюфелей! Именно там я была крещена трюфелем!

На обед пришли триста человек, и я обнаружила, что среди них было очень мало уроженцев департамента Гар. Там были швейцарцы, англичане, бельгийцы, американцы; некоторые приехали сюда только на этот обед и сообщили мне, что никогда не пропускают его.

Поскольку мне было трудно полностью оценить вкус трюфеля, местный знаток давал мне указания:

– Отрежьте тонкий ломтик сырого трюфеля, положите на этот кружок несколько крупиц соли и прилепите его к своему нёбу. Подержите его во рту несколько секунд перед тем, как раскусить. Вы почувствуете этот запах?

Мне показалось, что это месса. Во время причастия облатка часто прилипала у меня к нёбу, и мне приходилось

сильно шевелить языком, чтобы ее отклеить. Скажу прямо: моя религиозность немного ослабла из-за этого.

Несмотря на советы знатока, мне было нелегко искренне участвовать в славословиях, которые звучали в честь этой плесени.

Каждое подаваемое блюдо нам советовали посыпать тертым трюфелем, как посыпают тертым швейцарским сыром спагетти.

Однако я должна признать, что до сих пор храню в своей вкусовой памяти воспоминание о равиолях, которые приготовил молодой повар Фабьен Фаж из ресторана «Монастырь» в Вильнёв-лез-Авиньон...

Хлоя лишь один раз вернулась, не похвалив книгу.

– Мне не понравилось «Сиреневое такси», – сказала она. – По-моему, все персонажи какие-то преувеличенные, и я не смогла поверить в эту историю!

– Но, Хлоя, ты имеешь полное право не любить какую-нибудь книгу. Просто я сама люблю Ирландию, а эта книга – признание в любви к этой стране и ее жителям! Почему ты дочитала книгу до конца, если она тебе не понравилась?

– Не знаю.

– Чтобы попросить прощения за мою ошибку, я дарю тебе следующую книгу.

Позже я поняла, что роман Деона пробудил у Хлои воспоминание о том отрезке прошлого, который ее семья стара-

лась скрывать в тени. Если человек прочитывает книгу целиком, но не любит, часто это бывает книга, которая отсылает его к собственной черной дыре.

Когда наш путь пересекается с траекторией книги, это становится свиданием. Значит, наступило время для встречи. Когда мы говорим о книге, мы говорим не только о том, что прочитали, но и о себе.

И в первую очередь это утверждение относится к писателю. Даже самый невероятный вымысел рассказывает что-то о своем создателе, но потом читатель попадает в пропасть между его историей и своей.

Слова книг – как волны, которые рождаются на другом краю мира, докатываются до наших жизней и разбиваются о наши утесы или мягко скользят по мелкому песку пляжа. Закрыв книгу, которая нас беспокоит, мы не заставляем утесы исчезнуть.

Я собиралась закрывать магазин и гасить лампы, освещавшие витрину, когда ко мне постучал молодой мужчина. Обычно я работаю только в часы, указанные в расписании, потому что иначе бы никогда не остановилась.

Я люблю ту минуту, когда снова оказываюсь наедине с книгами. Мне тогда кажется, что я привилегированный человек в мире. Вокруг меня собрались самые прекрасные истории, созданные человечеством – от трагических драм до безумных утопий. Мое воображение играет лауреатами литературных премий, смешивает эпохи, и я становлюсь лич-

ным другом тех, кем восхищаюсь. В такие минуты Джойс Кэрол Оутс и Пол Остер – поверенные моих чувств, Камю и Сартр раздевают взглядами Амели Нотомб и переглядываются как сообщники, а я в это время организую встречу между Симоной де Бовуар и Нэнси Хьюстон. Эти женщины нашли бы очень много, что сказать одна другой!

В тот вечер я открыла дверь молодому мужчине.

Нужно сказать, что он был очень красивым. Похож на летчика времен начала авиации. На нем была великолепная кожаная куртка с меховым воротником и высокие сапоги для верховой езды. И у него были великолепные глаза. Эти глаза напомнили мне о ком-то, но о ком именно, я не смогла понять.

– Здравствуйте, мадам; спасибо, что открыли мне. Без вас я бы пришел с пустыми руками на совершеннолетие младшей сестры.

– Вы знаете, какую книгу хотите ей подарить?

– Нет, понятия не имею.

– Сколько ей лет? Вы знаете ее вкусы?

– Восемнадцать лет. Она очень много читает. Кажется, она тратит все свои карманные деньги у вас!

– Хлоя? Вы брат Хлои? А я не знала, что у нее есть брат!

– Это меня не удивляет. Я дурной пример, проклятый брат. Я не возвращался в Юзес уже больше трех лет.

Говоря это, он улыбался, но взгляд у него был печальный.

– Я возвращаюсь из Ирландии, закончил там учебу. Не

знаю, понравится ли это моим родителям, но я считаю нужным быть на празднике в честь совершеннолетия Хлои. Я не задержусь у вас долго. Какую книгу вы посоветуете для нее?

Я была взволнована, потому что поняла, отчего Хлое не понравилось «Сиреневое такси». Джерри Кин, неоднозначный и романтичный персонаж этой книги, американец, которого его семья изгнала в Ирландию, похож на того, кто стоял передо мной.

– Я думаю, Хлое понравится «Прекрасная беглянка»; автор – Анна Гавальда.

– Эту писательницу я не знаю. Но книга, конечно, подойдет Хлое очень хорошо.

Я осталась одна сидеть на своем табурете хозяйки книжной лавки. Снаружи было уже совсем темно.

Я считаю, что это очень печально, когда семья разрывается на части. Я знаю, как важна была для моего собственного становления любовь близких. Я пыталась создать этот же климат в семье с Натаном и детьми и думаю, что добилась успеха, хотя в этом пути иногда забывала о себе ради Элизы и Гийома.

С времен Каина и Авеля литература полна историй о разбившихся семьях.

Иногда автор так хорошо описывает кровосмесительные или братоубийственные чувства, что я, читая, часто задаю себе вопрос: не скрывается ли за вымыслом что-то из соб-

ственной жизни автора?

Одним из самых древних французских романов считают «Роман о Фивах», написанный безымянным автором в XI веке. Там рассказано, как два сына Эдипа, Этеокл и Полиник, после смерти отца захотели править его городом и убили друг друга в поединке перед своими войсками, чтобы наконец прекратилась битва за власть над Фивами.

Книга Гавальды гораздо менее мрачная. Это рассказ о том, как дети одной семьи, став взрослыми, решают сделать себе подарок – на один день вернуться в детство – и для этого приезжают к своему самому младшему брату, который стал гидом в старом замке в провинции Турень.

Примерно через десять дней Хлоя снова пришла ко мне.

– Значит, теперь вы знакомы с Танги! Я так полюбила книгу, которую он мне подарил! Очень хороший выбор. – Хлоя сияла от радости.

– День рождения хорошо прошел?

– Супер! Я должна вам объяснить...

– Нет, ничего ты мне не должна. Я всего лишь хозяйка книжного магазина, продаю книги, как другие люди продают шапки или сыр! Я не имею на тебя никаких прав и вполне довольна этим.

– Вы преувеличиваете! Вы гениальная хозяйка книжной лавки, величайшая из хозяек книжных магазинов!

– Я еще ни разу не видела тебя такой разговорчивой и открытой. Это превращение в совершеннолетнюю дало тебе

крылья?

– Нет; вы не знаете, как долго я надеялась, что наша семья в конце концов снова соединится! Мои родители очень принципиальные люди; они решили удалить отсюда Танги, когда узнали, что он часто употребляет травку. Они не хотели признать, что это, в сущности, обычно для учеников в лицее, и не желали знать, что есть менее радикальные способы, чем это изгнание. Танги хотел учиться на инженера, и мой отец, вместо того чтобы оставить его во Франции, выбрал для него частную школу в Дублине. Когда Танги уехал, мне было четырнадцать лет. За это время он возвращался всего один раз – два года назад, чтобы отпраздновать Рождество дома. Это был ужасный праздник: каждый все время старался уколоть другого. Мой отец хотел сохранить власть над сыном, которому было уже двадцать лет, а сын использовал каждый случай, чтобы бросить вызов отцу за его суровость. Я сердилась на папу за то, что он отнял у меня брата. Мама пыталась оправдать непримиримость моего отца, но я не хотела ее слушать. Вчера вечером я снова встретила с Танги. Было похоже, что он счастлив быть с нами. Мой отец тоже успокоился, и я думаю, что во время моего дня рождения мы были похожи на идеальную семью. Это был самый прекрасный из подарков. Следующий день мы провели на прогулке в Эг-Морт, как в то время, когда мы с братом были детьми и родители возили нас в ресторан в этот город в области Камарг. Ресторан, куда мы ходили, и теперь при-

надлежит тем же хозяевам, прежним остался и невероятный «наполеон» с малиновой начинкой, который они готовили! Танги еще несколько дней пробудет с нами, а потом уедет в Лондон: он начинает там работать. Мама согласна, чтобы я будущим летом на месяц приехала к нему, при условии, что использую этот случай, чтобы улучшить свой английский.

– Вот это прекрасные новости, Хлоя!

– Да, и знаете, я подарила брату книгу. Книгу, которую купила у вас...

– Позволь угадать, какую... Это не история семьи, где действие происходит в красивом ирландском поместье, но заканчивается очень плохо?

Я улыбнулась девушке и сказала себе, что иногда надо совсем немного и еще несколько книг, чтобы жизнь снова приобрела утраченные краски.

Оказавшись рядом с Натаном, я рассказала ему о воссоединении Танги с сестрой.

Натан умеет слушать, но меня часто тревожит то, что перемены его настроения слабо проявляются. Он выражает одобрение улыбкой, а неодобрение – движением губ и легким покачиванием головы.

Ни сильных вспышек чувств, ни горячих порывов восторга. Но в тот вечер он прекрасно понял, что эта история тронула меня потому, что в ней было что-то общее с нашей жизнью.

– Скажи мне, Натали, ты не думаешь, что твоя дочь всю

жизнь не будет хотеть тебя видеть?

– Почему ты говоришь мне это?

– Потому, что ты думаешь об Элизе, когда говоришь о Хлое.

– Ты прав. Все-таки тяжело чувствовать, что она так далеко.

– Но это не имеет ничего общего с Танги! Ты не сказала ей ничего обидного.

– Я не знаю...

– А я знаю и уверяю тебя, что тебе только нужно дать ей немного времени. Ей нелегко найти свое место в тени такой матери, как ты.

– Но я не затеняю ее. Я всегда была любящей матерью и давала ей самое лучшее.

– Вот именно... Наступает момент, когда ребенок, если он хочет оказаться лицом к лицу с миром, полностью владея своими средствами, должен убежать от офицера безопасности, то есть матери или отца.

– А кто такой офицер безопасности?

– Они сопровождают глав государств или министров. Люди в штатском, которые все время находятся рядом с тем, кого охраняют, и следят, чтобы с ним не случилось ничего неприятного.

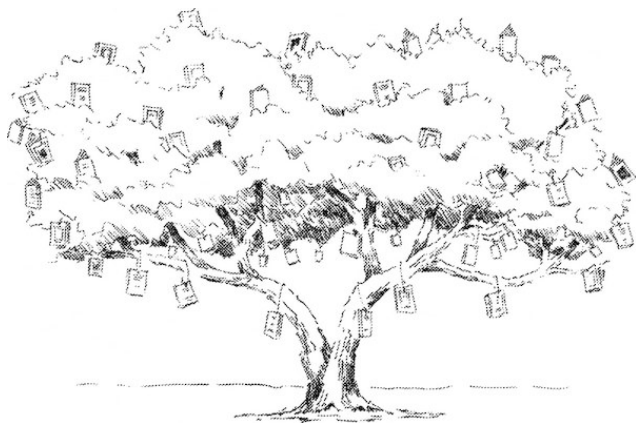
– Понимаю. Но иногда это не мешает охраняемому получить яйцо в лицо.

– Да... Элизу ты должна выпустить из рук и подождать,

пока она вернется сама. Это тебе в первую очередь она хочет доказать, что может быть полноценной женщиной, независимой, но при этом способной управлять собой, в равной степени способной получать и давать. До сих пор она могла только получать что-то от тебя, и равновесие было немного нарушено.

– Я согласна с твоими доводами, но признай, что это все-таки трудно!

– Это могло бы не быть трудным. Только от тебя зависит, на что смотреть – на улетающую птицу или на пустую клетку.

Жак. Размышления гуляющего в одиночку

Каждый четверг я получаю картонные коробки с книгами для своей библиотеки. Среди них есть те, которые я заказывала, но есть и присланные службой.

Эта «служба» – система, которую придумал в XIX веке Луи Ашет и которая до сих пор управляет поставками книг в книжные магазины. Принцип системы простой: вы заключаете с издательствами договоры, по которым получаете их новинки, но имеете возможность вернуть присланные книги в срок от трех до двенадцати месяцев после их выхода в свет. В результате возникает много работы по транспортировке, потому что приблизительно треть книг проходит через магазин, так и не найдя своих читателей. Зато владельцы книжных магазинов могут не рисковать своими деньгами, покупая то, что никогда не продадут.

Такое правило в течение года дает каждой новинке возможность получить индекс и стать частью фонда книжного магазина, то есть пойти дальше первых шагов. Это иногда жестоко, потому что книг, не доживающих до своей первой годовщины, много.

Для автора, который много лет вынашивал в уме свою книгу, прежде чем она родилась, ее возвращение часто становится тяжестью на душе.

Но иногда даже книги Мюссо, Гавальды и отличные вещи Роулинг прошли это испытание прежде, чем достигли успеха.

Утро четверга для меня праздник, когда я распаковываю свои коробки, как ребенок – подарки утром Рождества.

Я раскладываю книги в три стопы – уже знакомые мне, которые я хочу немедленно поставить на полки (обычно это очерки или практические руководства, для которых мне не обязательно нужен мой опыт работы с читателями); те, которые были мне заказаны (их я храню под кассой, чтобы отдать покупателям); и романы, которых я не знаю и чье будущее будет сильно зависеть от того, захочу я или нет их рекомендовать.

Именно эту, третью стопу я люблю больше всего. Она – сундук с сокровищами. Иногда он становится сундуком разочарований: автор, которого я очень любила, разочаровывает меня своей книгой, попавшей мне в руки.

Поскольку я не могу прочесть все эти книги за один день, они оказываются на старом деревянном крестьянском столе, где возвышается табличка с надписью «Новинки».

Среди них есть такие, чья обложка мгновенно очаровывает меня, и те, о которых критики произнесли уже столько похвал, что я не могу устоять против желания прочесть первую страницу.

И тогда наступает не имеющее себе подобных мгновение, которое я называю «инципит-кисс». «Инципит» на латыни означает первые слова или первую фразу текста. Некоторые «инципит» – настоящие шедевры и вбрасывают вас в чтение, как катапульта, сделанная из чувств, ума или тайны. Другие

оставляют вас бесчувственными как камень.

«Инципит-кисс» – первый поцелуй. Он может быть соленым, сладким, нежным, горьким, мягким, пылким, мятежным, вырванным у кого-то, украденным, быть ударом, быть лаской, быть чувственным, экзотическим, ледяным, энергичным...

Это первое впечатление. Очень часто оно бывает хорошим.

Часто, но не всегда!

Иногда нужно дать любовнику, который неумело целуется, время научиться, и, случается, он становится мастером...

В то утро я открыла «Путешествие с отсутствующей» – самую новую книгу Анн Брюнсвик.

«Детство – темный лес, полный тревожащих шорохов и сообщений, которые невозможно расшифровать. Он населен миллиардами зверей, большинство из них оказываются безобидными, если не нарушать их сон и пищеварение; но некоторые окажутся свирепыми; и самые большие – не те, которых нужно больше всего бояться; в лесу есть и злые великаны, есть колдуны, насылающие порчу, браконьеры и разбойники». Мастерски написанное начало! В одной фразе (хотя, конечно, она длинная) чувствуется судьба, честолюбие и уверенность, что книга будет написана дерзко и беспорядочно. Слова уже отдаются эхом в моем уме, как мощные приливные волны в Крозоне.

Я часто говорила себе, что пути читателей по книжной

лавке могли бы стать предметом очень увлекательного исследования. Нужно было бы снять скрытой камерой все жесты читателя. На какие-то книги он едва взглянул, какие-то взял в руки и в некоторых случаях открыл или прочел только аннотацию на задней стороне обложки, а потом вернул книгу на место. И спросить о том, что убедило или разубедило его после первого интереса, выраженного жестом.

Иллюстрация на обложке в этом случае играет важнейшую роль, но столь же велика и роль слов, напечатанных на задней стороне обложки: там иногда помещают коротко изложенное содержание книги или просто отрывок из нее.

Я считаю, что очень важно, как книгу воспринимают наши органы чувств. Читатель, который проведет много часов, прикасаясь к бумаге, должен испытывать при этом удовольствие от страницы, когда потирает ее между двумя пальцами перед тем, как перевернуть; от обложки, когда гладит ее рукой, как кусок шелка; от корешка, который он может, читая лист за листом, прижимать к губам и не порезаться.

Бумага должна быть такой, чтобы на ней можно было спать, как на простынях, высушенных ветром и солнцем!

Я не уверена, что спать на цифровом планшете – большое удовольствие.

Для меня заменить все книги одним аппаратом, на котором можно читать все истории, – это все равно что отменить все пищевые продукты и их размещение на тарелках и оставить только одноразовые фляги для напитков с надписями

«свежая вишня», «рагу», «шоколад с орехами» или «торт с лимонным безе».

Еще я спрашиваю себя: какие слова рождаются у писателя, который стучит пальцами по клавишам, и какие у того, кто проводит линии чернилами на бумаге, которая иногда бывает скользкой, и оставляет на ней борозду или едва касается поверхности листа.

Изменились или нет человеческие слова с появлением компьютеров? Написали бы Гюго, Ламартин и Стендаль то же самое, если бы пользовались клавиатурой?

Этот мужчина вошел в книжную лавку так тихо, что я его не заметила.

А ведь на двери есть колокольчик.

Должно быть, я была поглощена открыванием коробок или чтением начальной фразы книги Брюнсвик.

Когда я подняла голову, он уже стоял передо мной и протягивал «Пять размышлений о красоте» Франсуа Чена.

Он были не очень высокого роста.

Мне было трудно определить его возраст, но он явно был не очень молод. Борода, довольно длинная и густая, и волосы, тоже густые и длинные, указывали, что у этого человека уже было прошлое.

Возле его ног лежал рюкзак. Очень большой рюкзак, к которому прилип пух.

У мужчины были красивые голубые глаза, очень подвиж-

ные и озорные; казалось, что они всегда слегка улыбались.

Этот посетитель напомнил мне Жоржа Мустаки, известного автора-исполнителя своих песен, но у мужчины не было гитары.

– Здравствуйте, мадам. Меня зовут Жак. Я бы хотел взять у вас на время эту книгу.

– Здравствуйте. Мне очень жаль, но я не даю книги на время.

– Тогда я куплю ее у вас, но, если вы позволите, верну ее вам, когда прочитаю.

– Какая странная мысль! Дайте же книгу!

– Я никого не знаю в Юзесе. Как вы видите по моему рюкзаку, я путешествую пешком; если быть точным, я паломник. Примерно месяц назад я вышел из Сантьяго-де-Компостела, а иду в Мон-Сен-Мишель. Да вот два дня назад сильная боль в икре заставила меня пойти к врачу. И он велел мне на три недели отказаться от ходьбы, если я хочу добраться до Мон-Сен-Мишеля на своих ногах. И вот я приговорен провести в Юзесе все это время, и при этом ходить как можно меньше.

– Бывают наказания и хуже. Юзес – великолепный город.

– Да, я уже чувствую его великолепие по этой роскошной площади! Так вот, я собираюсь посвятить это время чтению, но я бы не хотел нагружать свой рюкзак книгами, которые читаю во время этой остановки. Почему я обратился к вам с моей просьбой.

– Я вас понимаю, но мне очень неловко.

– Не смущайтесь и скажите, сколько же я должен вам за эти размышления Чена. Мне бы также хотелось, чтобы вы мне указали жилье, где я мог бы ночевать, – не очень далеко от библиотеки и не слишком дорогое.

– Я советую вам пойти к Патрику на улицу Гранд-Бургад. В это время года у него должны быть свободные места. Он сдает симпатичные гостевые комнаты по очень разумным ценам.

Жак, хромая, вышел из лавки со своим большим рюкзаком и направился на улицу Гранд-Бургад.

Позже, уходя из магазина, я взяла с собой книгу, лежавшую на столе новинок: Паскаль Рюффенах, «Больница у моря».

Так, просматривая две или три книги за неделю, мне удалось получить представление о тех из них, о которых критики ничего не писали.

Тем, которые мне особенно нравились, я приклеивала маленький цветной стикер на обложку. И стол новинок оказывался украшен цветными флажками или короткими объявлениями, которые могли привлечь взгляд читателя.

«Перед тем как начать свой путь в Сантьяго-де-Компостела...» – было написано на синем листке, прикрепленном к обложке книги Рюффена «Бессмертным путем святого Иакова».

«Нежная грусть...» – было написано на розовом листке, отмечавшем книгу Деге «Жизнь другой».

«Больница у моря» Рюффенаха была охарактеризована так: «Размышления у моря о конце жизни».

Она – что-то вроде НЛО среди книг. Ничего не известно о том, какие события в прошлом главного героя привели его к решению провести последние дни жизни в этой больнице на морском берегу. Не сказано точно, о каком именно побережье идет речь, не названы точно имена персонажей. Одни голые воспоминания, ничего художественного. Даже фразы короткие. Слов мало, нет никаких прикрас, но есть ритм, а текст поэтичный и точный. Этот ритм совпадает с ритмом волны, которая приближается, а потом отступает, поднимается вместе с приливом, а затем откатывается и открывает прибрежную полосу.

Мне очень нравится текст Рюффенаха, и у меня появилось ощущение, что тот чертежный стиль в литературе, которым он так прекрасно владеет, полностью соответствует поиску более строгих, даже аскетических форм, которые он представляет читателям для всеобщего голосования.

На следующий день после взятия книги взаймы Жак пришел и вернул ее мне.

– Франсуа Чен действительно великий философ. Я знаю, что недавно он опубликовал «Пять размышлений о смерти», но мне еще не очень хочется готовиться к этому часу. Напротив, мне очень нужно, чтобы меня сопровождали на пути красоты!

Его глаза продолжали улыбаться, а поскольку я знала, что

у него достаточно времени, предложила ему обмен.

– Но по пути из Сантьяго вы, должно быть, видели столько всего красивого!

– Вы, конечно, думаете о церквях и пейзажах, об огнях, о птицах и больших деревьях?

– Да, я думаю обо всем этом.

– Я видел все это, но, как говорит Чен, считать это красивым – один из видов конформизма. Условности требуют, чтобы мы хвалили большое дерево, закат, витраж Сулажа³ в монастырской церкви Конка или украшенный орнаментом тимпан над дверью часовни. Но находим ли мы в глубине наших собственных сердец путь к красоте? Повторяем мы за миллионами других людей, что Джоконда – шедевр, или она *наш* шедевр – тот, который переворачивает нашу душу и перекликается с нашим прошлым? То, что я действительно считал «красивым», когда шел из Сантьяго, – сам путь. Дорога, по которой до меня прошли столько людей и на которую я, делая шаг, еще раз давил своим весом, как на мебель. Этот шаг заставлял катиться камешек, который раньше оттолкнул в сторону своим башмаком другой паломник. Я люблю этот камешек. Я был лишь одним из многих, которые были до меня и будут после меня, но до сих пор я был кем-то вроде путевого рабочего: прокладывал этот путь вместе со всем человечеством, но оставался при этом отдельной человеческой единицей.

³ Сулаж Пьер – французский художник-абстракционист.

– Спасибо за это размышление. Меня зовут Натали.

– Натали из песни Беко была с Красной площади⁴. Вы – Натали с площади Трав. Делиться чем-нибудь – приятно. Я думал, что буду идти один от Сантьяго до Сен-Мишеля, но все время встречал других путников или, во время остановок, гостеприимных хозяев.

Жак протянул мне книгу Патрика Вивере «Человеческий фактор».

– Вот моя книга на сегодня. Я буду читать ее на террасе, которая есть на этой площади. Под солнцем.

– Тогда я даю ее вам на время.

– Но у вас не библиотека!

– Для вас – библиотека...

На следующий день божий бродяга уже возвращал мне книгу, в которую положил закладку-косичку, сплетенную из листьев бамбука.

– Вы забыли свою закладку...

– Оставьте ее себе. Он просто с ума сводит, этот экономист-философ! Если бы я прочитал его намного раньше, то иначе управлял своими командами. Вивере прав: конкуренция – ложная цель. Она означает использование людей на ринге власти. И наступает день, когда даже тот, кто всегда побеждал, оказывается сбит с ног. Настоящая задача – пропагандировать сотрудничество как подлинную альтернативу конкуренции. Но я все время ставил человека на службу эконо-

⁴ В песне идет речь о московской девушке-гиде.

номике, а не наоборот.

– Вы управляли предприятием?

– Да, но теперь это уже не важно. Главное – не это. Я бы человеком того типа, который описывает Вивере. Я переходил от возбуждения к депрессии. Примерно как те семьи, которые приходят в большой торговый зал и наполняют тележки до самого верха, слушаясь рекламы, которая хвалит им то, что им не нужно, подчиняясь светящимся объявлениям и выставкам новинок на боковых стеллажах в начале рядов. Возле кассы эти люди впадают в депрессию, поняв, что потратили деньги, которых не имеют... Спокойствие – это другое. Это мои поиски. Спокойствие значит просто ценить то, что у тебя есть, не плача о том, что потерял, и не мечтая о том, чего еще не имеешь. Я приду к вам за новой книгой завтра, потому что сегодня будет кино! Я обнаружил, что у вас есть артхаусный кинозал, великолепный для такого маленького города. Я пойду посмотреть «Бланканьевес» – немой черно-белый фильм!

– Вот как! Это хороший фильм!

– Вы не хотите пойти со мной? Я приглашаю вас в обмен на книгу, которую прочитаю завтра.

– Нет, спасибо.

– Религия, которую исповедуют хозяйки книжных магазинов, запрещает им ходить в кино с клиентами? Ведь у вас нет никаких планов на сегодняшний вечер?

– Откуда это вам известно?

– Интуиция подсказала. Я буду вести себя прилично. В шестнадцать лет я мало смотрел фильмы, больше обнимал соседку; но теперь я стал немного старше...

– Тогда я согласна!

И мы пошли смотреть этот чудесный фильм – «Белоснежку», перенесенную в мир севильской корриды! Музыка сопровождает зрителя на протяжении всего сюжета; история рассказана с помощью черно-белых образов, от которых замирает дыхание. Настоящая фантастическая сказка, которую высоко оценили мы оба – и Жак, и я.

Окружающий персонажей мир корриды обостряет их страсти, очаровывает одних и вызывает возмущение у других. В нашей части Франции есть много страстных любителей корриды, которые ни за какие блага мира не пропустят бой быков на большом ежегодном празднике в Ниме или Арле. Сама я люблю в корриде только афиши, которые объявляют о ней. Очень часто они выполнены красной, черной и золотой красками. И некоторые – настоящие произведения искусства.

Кухню моего дома украшают три красивые репродукции, на которых есть подпись Мариано Отеро. Меня волнуют резкие линии рисунка и их изгибы, одновременно мужественные и чувственные. Что касается остального, у меня есть ощущение, что те, кто толпится в тесноте на аренах, ищут отдушину для агрессивных порывов, которые в повседневной жизни скрывают за хорошими манерами. В студенческие

времена я несколько раз соглашалась пойти на футбольные матчи; на стадионе я с трудом узнавала своих друзей, так быстро они менялись, сев на трибуны. Не думаю, что все это прославляет человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.